

Будь христианин!

ЗАМЕТКИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЛКОВОДЦА
И ПОДВИЖНИКА ВЕРЫ А. В. СУВОРОВА

Четырнадцатого августа 2023 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было заслушано предложение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о возобновлении процесса подготовки возможной канонизации великого полководца Александра Васильевича Суворова. О его победах, об отношении к солдатам, об аскетической жизни в военных походах известно многим. Гораздо меньше известно о личном благочестии князя Суворова, искавшего христианского подвига. **Константин Петрович Ковалев-Случевский** рассказывает о некоторых связанных с этим сторонах жизни русского полководца.

В жизнеописании князя Александра Суворова можно увидеть нечто удивительное. Каждая новая страница его биографии открывает все больше и больше черт, характеризующих действительно неординарного деятеля екатерининской и павловской эпох в истории Российской империи и Русской Православной Церкви.

Одни считали его «машиной для военных побед», а другие называли чудачком или юродивым. Парадные портреты с орденами и звездами скрывали картину его внутренней жизни, не отражали его духовное подвижничество.

В те времена представители высших кругов зачастую не стремились к строгому соблюдению церковных традиций. Никому бы и в голову не пришло сравнивать генералиссимуса со скрывающимся от мира молитвенником-аскетом.

Поэт Гавриил Державин однажды написал о Суворове: «Он весьма был благочестивый человек и совершенно во всех своих делах уповал на Бога, почитая, что счастье не от кого другого происходит, как свыше».

Нам важны сегодня качества, которые определяют подвижничество того или иного исторического деятеля. В случае с благочестивым князем Александром Суворовым речь идет не о военных заслугах или героизме выдающегося полководца, а о его духовном пути, его принадлежности к Церкви. Генералиссимус был признан и очень известен при жизни, но не как духовный подвижник, а как профессиональный, талантливый и непобедимый военный стратег. Только спустя время стала открываться другая сторона его «другого бытия», той жизни, которая была скрыта от глаз современников.

В каждом его поступке и даже в коротенькой записочке открывается духовный мир челове-

ка, всю жизнь скрывающегося под различными масками, который считал, что окружающим людям все знать не положено.

Каким же был Суворов не генералиссимус и не придворный вельможа? Когда он переступал порог храма, походной палатки или закрывался в личном кабинете, когда в минуты тишины после армейских забот оставался один на один с тайнами бытия?

О православном образе жизни князя Александра Суворова писали его главные биографы. С детства в его сознание было заложено особое отношение к Церкви, ведь он с ранних лет читал Псалтирь в храме, знал эту книгу почти

А. В. Суворов. Гравюра Н. Уткина с портрета работы И. Р. Шмидта. 1818 г. (слева)

С. Ф. Бабков. Суворов в Кончанском. 1967 г. (внизу)

Н. Шабунин. Отъезд А.В. Суворова из села Кончанского в поход 1799 г. 1900-е гг.

наизусть. День его распisan был поминутно. Обиход его повседневной жизни, не только в походах, но и в периоды его проживания в своих имениях, фактически основан был на главных православных традициях. В его доме существовала домашняя часовня, которую он хотел благоустроить как церковь, в которой во время Великого поста совершались богослужения. Об этом без излишнего пафоса писал отставной сержант Иван Сергеев — человек, знавший Суворова особенно близко, находившийся при нем 16 лет безотлучно в сражениях и походах и в мирной жизни.

«Суворов при этом почти всегда служил дьячком, — рассказывал отставной сержант, — зная церковную службу лучше многих приходских дьячков. На первой неделе Великого поста ел грибное кушанье. В прочие недели употреблял и рыбу. На Страстной всегда говел и тогда во всю неделю довольствовался одним чаем, и то без хлеба»¹. В другом источнике находим: «Прежнее строгое соблюдение постов еще уси-

лил, не принимая никакой пищи в продолжение первых трех дней Страстной недели»².

Когда Великий пост заканчивался, не заканчивались силы у неутомимого полководца, появлялись новые планы по устройению духовной жизни. «О Святой неделе, отслушав заутреню и раннюю обедню в церкви, становился в ряду с духовенством и христосовался со всеми, кто бы ни был в церкви. Во все это время камердинеры стояли сзади его с лукошками крашеных яиц, и Суворов каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не брал. Пасха и кулич во всю Святую неделю предлагались гостям его»³. В Семик (четверг перед Троицыным днем) и в сам Троицын день «Суворов всегда любил обедать в роще с гостями своими, под березками, украшенными разноцветными лентами... Во время Святков, в Херсоне, Суворов звал к себе... Когда же приходил час сна, тихонько уходил от гостей в спальню»⁴.

Еще одно необычное обстоятельство: он никогда не праздновал ни именин, ни дня своего рождения. Но при этом всегда отмечал торже-

ственно дни рождения и тезоименитства императрицы и наследника, а также великого князя Александра Павловича. «В сии дни он бывал в церкви во всех своих орденах и во всем блеске. После общего молебна служил еще свой особенный молебен о здравии Царского дома с коленопреклонением»⁵.

Другой биограф добавлял в эту картину свои наблюдения, они связаны с периодом ссылки благочестивого князя. «Известны бытовые детали и распорядок дня Суворова в Кончанском: он вставал за 2 часа до света, пил чай, обливался водою, на рассвете шел в церковь, где стоял заутреню и обедню, причем сам читал и пел. Обед подавался в 7 часов, после обеда Суворов спал, потом обмывался, в свое время шел к вечерне, после того обмывался раза три и ложился спать. Скромного он не ел, был весь день один и разговаривал лишь со своими людьми, несколькими отставными солдатами... Свой простой ежедневный костюм Суворов, впрочем, еще упрощал до минимума: ходил без

рубашки, в одном нижнем белье, как дельвал обыкновенно в лагерное время»⁶.

Известно, что спал он очень мало, и это досаждало окружающим. Они должны были подстраиваться под его аскетичный образ жизни. Служивший ему современник констатировал факт постоянного бодрствования короткой фразой: «О том, что Александр Васильевич мало спал, мы все знали»⁷. В имении Кончанское Суворов любил еще заранее, до начала службы в храме, подниматься на колокольню, откуда он поджидал, когда на пригорке появится местный священник. В этот момент Суворов начинал звонить в колокола, причем весьма искусно. Служил тогда в храме священник Федор Попов из села Сопины, что неподалеку от Кончанского. Отец Федор оставил воспоминания о том, как благочестивый князь пешком ходил в храм. Как правило, он во время богослужения помогал в алтаре, читал записки и подавал священнику кадило. Обычно читал Апостол или часы. А после службы он устраивал застолье и приглашал отца Федора, проводя с ним некоторое время в разговорах.

То же подтверждают и другие источники. «Всегда благочестивый и набожный, Суворов услаждался чтением Библии, любил петь и читать в церкви и совершенно знал церковный круг»⁸. «Каждую неделю он... часто посещал церковь, сам звонил в колокола, сам читал громогласно Апостол и с певчими пел на клиросе»⁹. И почти слово в слово свидетельствует другой документ: «Он вел прежний образ жизни — вставал рано и отправлялся на сельскую колокольню звонить, слушал в церкви заутреню и обедню, в продолжение коих исправлял он должность пономаря и дьячка... читал Апостол, подавал священнику кадило»¹⁰.

Еще несколько свидетельств о его образе жизни от Александра Столыпина — адъютанта Суворова, когда он был в Тульчине: «Просыпался он в два часа пополуночи; окачивался холодной водою и обтирался простынею перед камином; потом пил чай... потом занимался делами и потом читал или писал на разных языках; обедал в 8 часов поутру; отобедав, ложился спать; в 4 часа пополудни — вечерняя заря... Накануне праздников в домовой походной церкви всегда бывал он у заутрени, а в самый праздник у обедни»¹¹.

*Музей-усадьба
А. В. Суворова
в селе Кончанское-
Суворовское*

Еще один рассказ: «Также не пропускал он ни одного случая показать пример уважения к закону, чистоте нравов, бескорыстию, твердости, мужеству, постоянству в трудах и деятельности военной: в сем случае предусмотрительность его доходила нередко до странности. Он был весьма набожен, без всякой примеси суеверия, но по-своему, как и во всем. Первое дело его, когда он просыпался, ночью или на рассвете, была молитва; ложась спать, он также молился, и очень долго. В церкви слушал он Божественную службу весьма внимательно, с великою набожностью, пел вместе с певчими и по обыкновению своему удивлялся очень много. Будучи сослан в деревню, имея более 70 лет, упражнял неутомимую деятельность своего характера над колоколами сельской церкви: он сам звонил к заутрене, к обедне и к вечерне...»¹²

Позднее исследователи литературного языка, используемого князем Александром Суворовым в его творческих и эпистолярных трудах, замечали, что в письмах полководца можно в немалом количестве найти сложные обороты церковнославянской речи. Это результат постоянного чтения в церкви богослужебных книг.

Обязательные церковные службы проходили у Суворова во время походной жизни,

незвизрая на военные условия или предстоящие сражения. «Накануне праздника или воскресного дня у всенощной, а на другой день у обедни Александр Васильевич бывал всегда в походной церкви которого-нибудь полка. У всенощной запросто в кителе... с коротким мечом по поясу, а у обедни, после развода лагерного, в полном мундире, с звездой на груди, с Георгием на шее, со шпагой золотою при бедре, становился возле правого клироса, с певчими пел по нотам, которые держал пред ним иногда регент певчих (певчие у Александра Васильевича были Смоленского драгунского полка и, как сказывали, находились при нем с 1793 года) — офицер; читал Апостол и молился Господу Богу с земными поклонами»¹³.

У Суворова было особое, глубокое отношение к пониманию того, что есть болезнь или рана. Он по этой причине не всегда принимал лекарства и не всегда вел образ жизни, который ему советовали врачи. Биограф так описывал его поведение в то время, когда он лечился после ранения и за ним следил врач Вейкарт: «Никак не могли убедить его есть скоромное в Великий пост. Чувствуя облегчение, Суворов ходил в церковь, пел, молился в землю и читал Апостол. Вейкарт, человек вспыльчивый,

беспреданно сердился на него. За то Суворов заставлял его говорить по-русски, ходить в церковь, есть постное и смеялся досаде врача»¹⁴. Для благочестивого князя Александра Суворова главным врачом и целителем был Иисус Христос. Болезни же и ранения были испытанием, которое давалось по грехам человека. Борьба со злом, с грехом во время болезни могла, по его мнению, привести человека к духовному возрождению. Еще одно тому подтверждение находим у другого биографа: «Но больше всего он посвящал свое время и свои последние силы Богу, так как был Великий пост, который он привык проводить со всею строгостью, предписываемою церковными уставами. Вейкарту это очень не нравилось, особенно употребление пациентом постной пищи; но протестовал он без всякого успеха. Суворов ревностно посещал божественную службу, пел на клиросе, читал Апостол, бил бесчисленные земные поклоны и самого Вейкарта заставлял бывать на молитве. Возможность скорой смерти усиливала обычное благочестие Суворова, и он не только

во время богослужения, но и в остальные часы дня обращался к Богу, размышляя о предметах религиозных»¹⁵.

Особенное постничество князя Александра Суворова стало легендой. Хотя окружающие его люди порой не понимали, чего он хотел. «Повар жил при Александре Васильевиче без забот и без дальних хлопот, — писал современник. — Он батюшке Суворову готовил на обед щи да кашу, часто холодное из солонины со стаканчиком кваску да хренку. А. В. свято соблюдал все постные дни и кушивал в свое время кислую сырую капустку с кваском, редечку с солью да с конопляным маслицем, приговаривая: это русскому здорово!»¹⁶

Особой характеристикой образа жизни благочестивого князя Александра Суворова стала удивительная черта его натуры — незабвенная любовь и внимательное отношение к детям, в первую очередь к крестьянским. По воспоминаниям священника, ссыльный полководец, убеленный сединами старец, регулярно играл в Кончанском с местными ребятами. Один

Церковь Александра Невского в селе Кончанское-Суворовское

раз случилось так, что бывший у благочестивого князя в имении довольно именитый гость застал его за такой игрой и был весьма удивлен.

— Почему вы так поступаете? — спросил он. Суворов ответил не задумываясь:

— В России развелось много фельдмаршалов, делать им нечего, и потому приходится играть...¹⁷

По воскресеньям Суворов после богослужения раздавал детям сладости, особенно пряники. Женщинам дарил платки и пояса. Мужикам выдавали «стопочку» крепкого. Не более.

Христианский образ жизни благочестивого князя Александра Суворова позволил ему не только преодолеть невзгоды, ранения и другие житейские трудности. Он прожил долгую жизнь, прошел путь до самой старости, которая в те времена начиналась в гораздо более раннем возрасте. Со стороны казалось, что его ничто не берет — ни болезни, ни печали.

Он не раз хоронил своих солдат. И здесь он также проявлял особенное христианское чувство долга перед своими подчиненными, которые шли на смерть, сражались с врагом, не щадя своей жизни. Народные песни, бытовавшие в те времена, искренне рассказывают об этом. В одной из них мы видим, как полководец всякий раз исполнял то, что было предписано православной традицией. В простых и незамысловатых строках он прославлялся за то, что всегда

по-христиански хоронил русских воинов, в данном случае павших под Измаилом.

*Он отпел тела геройские,
Проронил слезу отеческу
И, по долгу христианскому,
Над могилой их поставил крест.*

Сохранилась история о суворовской молитве об усопших солдатах. Он однажды произнес ее на воинских похоронах. Современник писал об этом: «Приказал священникам служить общую панихиду по убиенным. Он молился Господу Богу с усердием и по окончании священнодействия говорил:

— Мир вам, убитые! Царство Небесное вам, христоробивые воины, за православную веру, за Русскую землю павшие! Мир вам! Царство вам Небесное! Богатыри-витязи, вы приняли венец мученический, венец славный! Молите Бога о нас!»¹⁸

Обычно после этого по одному старику из лучших воинов каждого полка целого корпуса подносили общую кутью, «и, — продолжает рассказчик, — Александр Васильевич, перекрестясь, говорил:

— Господи! Помяни рабов Твоих, здесь лежащих!

Затем брал ложку кутьи, кушал и обращался к соратникам:

— Помяните, братцы, покойников честно, по-русски...»¹⁹

Так он поступал до самой своей старости, когда пришел черед и ему думать о Царствии Небесном. Биограф отметил это такими словами: «Во всем этом сказывалась старость, когда религиозное чувство нередко просыпается даже у тех, у кого дотолле дремало, и усиливается у тех, кто никогда с ним не расставался. Суворов действительно старел и это чувствовал, но старался разными способами скрывать и от себя, и от других, так как, по его мнению, военный человек должен быть постоянно крепок духом и телом, т. е. вечно юн»²⁰.

Буквально перед самой своей кончиной благодетельный князь Александр Суворов подготовил записку, которая не сохранилась полностью. Но остались лишь заключительные слова, показывающие всю мудрость и глубину его понимания

*Музей-усадьба
А. В. Суворова
в Кончанском —
филиал Новго-
родского госу-
дарственного
музея-
заповедника*

*С. Ф. Бабков.
Суворов играет
в бабки с канчан-
скими ребятами.
1957 г.*

праведной христианской жизни, весь смысл исповедуемой им традиции регулярного поста, покаяния и высоконравственного поведения, его смиренное и благодарное принятие жизненных невзгод, отсутствие боязни страданий и долготерпение: «Будь христианин, Бог Сам даст и знает, что когда дать».

Аскеза в жизни А. В. Суворова была примером для многих. Он же стремился к большему. Одно дело — воздержание во имя некоторых принципов, например для здоровья или в силу сложившихся экстремальных обстоятельств, связанных с походной жизнью или с военными действиями, то есть аскеза вынужденная, принимаемая в виде простых бытовых правил. А другое дело — аскеза духовная, идущая от веры. Тогда такое аскетическое житие, такое самоограничение напоминает монашество в миру.

Князь Александр Суворов действительно хотел под конец жизни принять монашество, уйти в монастырь. Для него аскеза была частью его духовного подвига, своеобразной формой для осуществления высокой цели — укрепить веру, познать Бога, приблизиться к Царствию Небесному. Об этом свидетельствуют люди, знавшие его лично, и те, кто пересказывал воспоминания других, но тоже близко знавших Суворова сподвижников.

«Он повел особенный образ жизни — отказался от всяких предметов роскоши, спал на сене, ходил зимою без шубы, ел простую, грубую пищу, отрекся от светских обществ»²¹.

Отставной сержант Иван Сергеев рассказывал в своих записках более подробно: «Зимою ни в какую стужу он не носил на себе не только мехового платья, но даже теплых фуфаяк и перчаток, хотя бы целый день должен был стоять

П. И. Геллер.
Неожиданное
послание Павла I
к Суворову.
1902 г.

на морозе в одном мундире. В самые жесточайшие морозы, под Очаковым, Суворов на разводах был в одном супервесте, с каской на голове, а в торжественные дни в мундире и в шляпе, но всегда без перчаток. Плаща и сюртука не надевал в самый дождь»²².

Известно, что императрица Екатерина II пожаловала Суворову дорогую соболью шубу, зная, что он одевается зимой слишком легко. При этом она велела надеть ему эту шубу на себя сразу, прямо в ее присутствии, в Таврическом дворце. Шуба была польского покроя, крытая зеленым бархатом, с золотыми петлицами спереди и с золотыми же кистями на шнурках. Государыня попросила его ездить в ней в карете постоянно в холодное время. Не повиноваться императрице он не мог. Поэтому зимой возил шубу с собой всегда, хотя надел ее всего лишь несколько раз, и то по выходе из кареты.

На самом деле «большую часть дня, — продолжал рассказ Иван Сергеев, — он расхаживал по комнате без всякого платья (без верхней одежды. — К. К.-С.)... Всякой день пред обедом, а иногда и после обеда бегал целый час

кругом сада по дорожкам без отдыха, в одном нижнем платье и в сапогах... Его простота, воздержность, терпеливость, чуждая всякой неги, сродняли его с воинами, любившими его как отца. Он примером своим учил их переносить все трудности жизни. Любя простоту, даже до первобытной бедности человечества, Суворов иногда показывался во всем своем блеске, во всех своих звездах и орденах, но это было в торжественные Царские дни в святой церкви, где он преклонял седое чело до земли и пел за дьячка духовные песни»²³.

Поэт Гавриил Державин, бывший другом благочестивого князя, подтверждал сведения сержанта. «Суворов, воюя в Италии, в жаркие дни ездил в одной рубашке пред войском на казачьей лошади или кляче, по обыкновению своему был неприхотлив в кушаньи и часто едал сухари; в стуже и в зное без всякого покроя — так, как бы себя закаливал подобно стали; спал на соломе или на сене, вставал на заре, а когда надобно было еще и прежде делать ночные экспедиции на неприятеля, то сам кричал петухом, дабы показать, что скоро зря

и что надобно идти в назначенный им марш; тогда он в приказах своих отдавал, чтоб по первому крику петухов выступали»²⁴.

Можно привести одну легендарную историю о том, как благочестивый князь старался быть словно невидимым для людей. Он обустроивал свою жизнь, чтобы все вокруг крутилось само, а если бы кому-то и надо было обратиться к нему лично, то найти его было бы непросто. Он словно бежал от окружающих, особенно от завойливых и глупых.

Суворов любил ходить между солдат в солдатской накидке или в потрепанной родительской шинели и был всегда доволен, когда его не узнавали. Часто находили его спавшим вместе с солдатами. Однажды присланный от какого-то генерала сержант с бумагами закричал вслед бежавшему в солдатской одежде фельдмаршалу:

— Эй, старик, стой! Скажи, где пристал Суворов?

— Кто ж его знает, — отвечал он.

— Как! — вскрикнул сержант. — У меня к нему бумаги от генерала.

— Не отдавай, — послышался ответ, — он теперь или мертвецки пьян, или горланит петухом.

Тут посланец поднял на него палку и вскрикнул:

— Моли Бога, старичишка, за свою старость!.. Не хочу и рук марать. Ты, видно, не русский, что так ругаешь нашего отца и благодетеля.

Суворов убежал. Через час возвращается он к себе. Сержант, узнав его, хотел броситься к его ногам, но граф, обняв его, сказал:

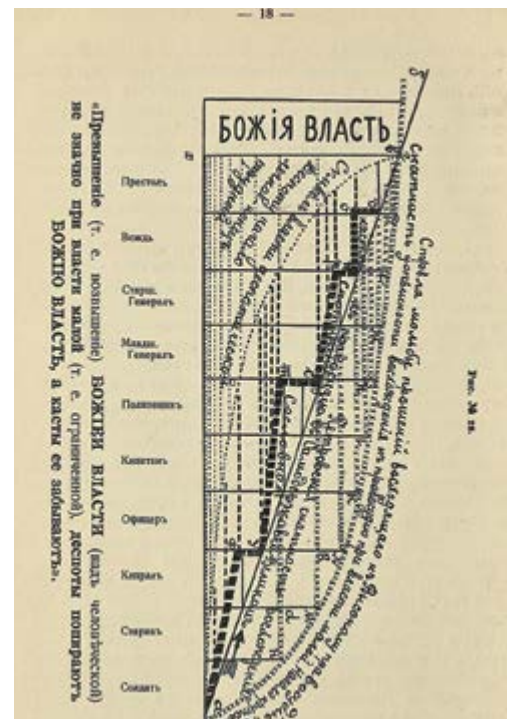
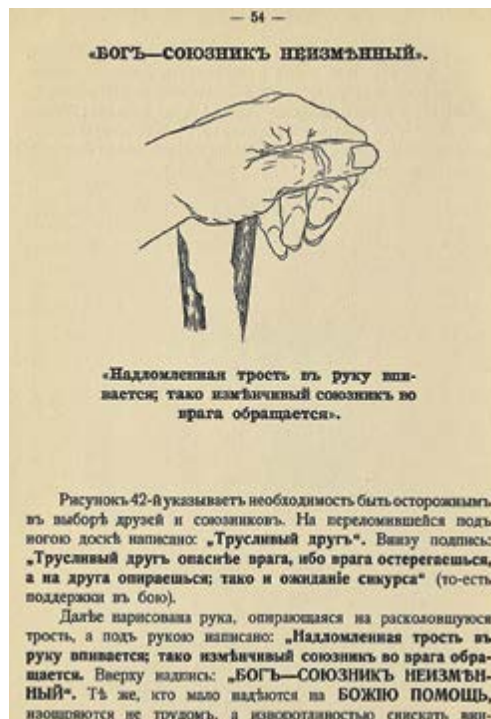
— Ты доказал любовь ко мне на деле: хотел поколотить за меня²⁵.

Подобных историй было записано немало. И они часто подтверждаются документами. В письме своему племяннику графу Д. И. Хвостову в 1797 году он замечал: «Служу Богу небесному и верен Богу земному»²⁶. А в другом послании рассказывал так: «...время проводил я в глубоком уединении сам-друг, сам-третей со священником»²⁷.

Когда Александр Васильевич Суворов находился в ссылке в своем имении Кончанское, то к нему был приставлен офицер Николев, который должен был докладывать все о поведении и образе жизни полководца. Николев подтверждал аскетический образ жизни полководца и докладывал о поведении ссыльного: «Граф живет один, в отдаленной от селения избе»²⁸.

Как писал биограф, «для объяснения тогдашнего душевного настроения Суворова следует еще принять к соображению, что, вопреки доносениям Николева, здоровье его пошатнулось

Страницы книги «Наука побеждать» генералиссимуса Суворова с рисунками и чертежами Суворова. Издание военного книгоиздательства В. Жукова. СПб., 1913. Архив РГБ

Л. И. Вайшля.
Суворов в селе
Кончанском.
1951 г.

довольно заметно. В начале своей ссылки он говорит мимоходом в одном из своих писем о пользе съездить за границу с лечебной целью, затем упоминает про свои увеличивающиеся недуги, а в декабре 1798 года пишет: "...левая моя сторона, более изувеченная, уже 5 дней немеет, а больше месяца назад я был без движения во всем корпусе". Ему было уже 68 лет; годы брали свое... Душевная его сила не поколебалась, воля не была сломлена»²⁹.

Ненавидящие Суворова за его победы британцы напечатали карикатуру, где он был изображен усатым великаном. Подпись к рисунку была язвительна, но информация в ней говорила сама за себя: «Этот замечательный человек находится сейчас в расцвете жизненных сил. Он ростом 6 футов 4 дюйма, он не пьет ни вина, ни водки, ест лишь раз в день и каждое утро погружается в ледяную ванну. Он ничего не носит на голове ни днем, ни ночью; когда испытыва-

ет усталость, то заворачивается в простыню и спит на открытом воздухе»³⁰.

Когда идет разговор об аскезе, монашестве в миру или иных самоограничениях в жизни, то вполне естественно возникает тема скрытого бессребреничества и стремления к одиночеству — характерные черты человека, который удаляет себя от прелестей жизни. О бессребреничестве князя говорило многое. Однажды он сказал о военачальнике французских республиканских войск и затем империи Наполеона I Андре Массене, известном своей алчностью, что в его гробу не поместятся обгаренные кровью награбленные им миллионы. Хотя известно, что Массена, весьма не любивший Суворова, однажды заявил, что «он готов был бы отдать все свои походы за один суворовский, швейцарский»³¹.

Известно, что благочестивый князь Александр Суворов из Кончанского подал проше-

ние на имя императора с просьбой удалиться в Нилову пустынь, но ответа не получил. Вместо этого ему доставили просьбу и приказ отправиться в новый военный поход, ибо имя его «было хорошо известно всей Европе и считалось синонимом победы. "Вот русские на все приглагодаются", — сказал тогда государь»³².

Биограф XIX века А. Ф. Петрушевский о душевных переживаниях князя, связанных с решением направиться в обитель, говорил, что такое состояние требовало какого-нибудь исхода, религиозное чувство Суворова подсказывало ему этот исход, и, будучи всегда и в одинаковой степени глубоко верующим человеком, исполнительным сыном Церкви, он под старость сделался еще строже в обрядовой стороне и вообще во внешнем богопочитании и наконец решился уединиться в монастыре и отдаться одному Богу.

Сам Суворов после очередной встречи с государем передал ему через его флигель-адъютанта, своего родственника князя А. И. Горчакова, устную просьбу: «Я стар и дряхл, хочу в монахи»³³. Но Горчаков не осмелился передать это императору, сообщив только, что полководец «был очень смущен в присутствии Его Величества и крайне сожалеет о своей неловкости»³⁴...

В те дни князь Александр Суворов заметил в своих письмах: «Со стремлением спешу предстать чистою душою перед престолом Всевышнего»³⁵. То есть он уже предчувствовал свой скорый конец. И хотел, видимо, совершить то, что делали многие столетия русские князья. Они перед кончиной постригались в монахи, некоторые даже успевали принять схиму. И он был князем, и не менее — если не более — русским. Поэтому в другом своем письме благочестивый князь Александр Суворов сформулировал свое желание и стремление прямо: «Усмотря приближение моей кончины, готовлюсь я в иноки»³⁶.

Наконец он принимает решение и волевым усилием пишет письмо государю. Оно датировано декабрем 1798 года. И если бы это письмо император Павел I принял и одобрил, то вся европейская история могла пойти совсем другим путем³⁷. Князь Александр Суворов писал прямо и просто, безо всякой иронии и привычного для него чудачества: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне

отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердый Государь... Всеподданнейший богомолец, Божий раб»³⁸.

Император сразу отвечать не стал. «Принял ли Государь просьбу Суворова за минутный, скоропреходящий порыв, или в то время уже начала разъясняться потребность в отставном фельдмаршале для войны с французами, — но ответа не последовало. Развязка приближалась, только совсем другая»³⁹.

В ответ император прислал письмо, которое произвело эффект взрыва. «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, — отвечал государь Павел Петрович, — известие о настоятельном желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идут. Итак, по сему и при теперешних европейских обстоятельствах, долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену»⁴⁰.

Привез письмо 6 февраля в село Кончанское флигель-адъютант Толбухин. Он вручил Суворову собственноручный высочайший рескрипт, помеченный 4 февраля. То есть на принятие решения императором и на доставку ответа ушло всего несколько дней.

«Нетрудно понять, — писал биограф, — что Суворов был ошеломлен поворотом своей судьбы. Он отправил Толбухина немедленно назад с ответом, что, исполняя монаршую волю, выезжает в Петербург, а сам принялся на скорую руку изготовляться к отъезду. Принеся в своей маленькой церкви горячую молитву, он 7 числа выехал... Государь ждал его нетерпеливо; он не был совершенно свободен от сомнения — примет ли старый, больной и причудливый фельдмаршал посланное ему приглашение после выраженного им год назад нежелания поступить на службу. Государь не совсем верно понимал Суворова и причины его отказа; Суворов... теперь он не мог отказаться от службы боевой, призвание к которой было его жизнью»⁴¹.

Суворов немедленно отбросил мысли о монастыре. Важность государственного дела была очевидной. Он предался «горячей молитве» и принял для себя решение ехать. «Февраля 8

А. Андрысек.
Суворов в городе
Колин (Богемия).
Середина XX в.

возвратился в Петербург Толбухин; прочитав привезенное от Суворова письмо, Государь приказал тотчас же отнести письмо к Императрице и сказать австрийскому послу Кобенцелю, что Суворов приезжает и что Венский двор может им располагать по желанию. На другой день приехал и Суворов»⁴².

Пострижение великого полководца в иноки не состоялось. После новых сражений, перехода через Альпы он не успел осуществить задуманное. Не позволили обстоятельства.

Один лишь вопрос может заинтересовать тех, кого волнует правда жития благочестивого князя. Почему он стремился уйти от мира именно в Нилову новгородскую пустынь? Почему туда?

Во-первых, Нило-Столобенская пустынь (или Нилова пустынь) расположена была в той же Новгородской губернии, где находилось родовое имение Суворовых. До сих пор этот православный мужской монастырь занимает территорию на озере Селигер, на острове Сто-

лобный и частично на полуострове Светлица неподалеку от города Осташкова (сегодня — Тверская область). В народе, среди новгородских крестьян, ходило поверье, что обитель стала так называться по острову Столобный, а он получил свое наименование благодаря форме, будучи похожим на столб, либо по причине существования в древности на нем языческого капища в виде жертвенного столба.

В годы, когда благочестивый князь Александр Суворов мог бывать в монастыре, его настоятелями были отец Иоанн (Терликов; 1789–1797) и отец Анастасий (Щепетильников; 1797–1798). Но на момент отправки Суворовым письма императору о том, что он хочет стать нило-столобенским иноком (декабрь 1798 года), настоятелем числился отец Иоасаф (Сретенский; 1798–1800). Он в 1798 году возведен был в сан архимандрита Нило-Столобенской пустыни.

Мог ли отец Иоасаф как-то повлиять на полководца в связи с его решением уйти именно

в этот монастырь, сказать непросто. Возможно, они были знакомы еще и потому, что Суворов очень серьезно относился к церковному пению. А будущий архимандрит Иоасаф с 1791 по 1797 год состоял учителем при певчих тверского архиерейского дома.

Когда стало известно о намерении Суворова уйти в монастырь, император Павел Петрович сказал о нем: «Быть ему ангелом!» И ведь не случайно. Вполне вероятно, что понимающий многое в жизни (вопреки расхожим мнениям о его неадекватности и глупости) государь имел в виду известное определение монашеского подвига — ангельское служение, или так называемый ангельский чин.

Чин иноческий, он же чин ангельский, для монашествующих вполне понятная тема. В Православии иноки молитвами, постом и покаянием стремятся к уподоблению ангелам. Святость — это идеал. Считается, что чин ангельский в том и состоит, что монахи сохраняют благочестие во вселенной до ее конца. Они стремятся достичь, по великому милосердию Божию, духовных высот и глубин своего призвания. А так как монашество есть чин ангельский, что может быть на земле выше сего? В основании монашества лежит самоуничтожение

и покаяние до последнего вздоха: *Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс. 21, 7).

Монах обычно должен ежедневно совершать положенное молитвенное правило и нести монастырское послушание (трудиться). Также, по традиции, монашествующие после пострига не вкушают мяса на протяжении всей жизни. К положенным для православных христиан двум постным дням (среда и пятница) прибавляется еще один — понедельник, в честь ангельских сил.

Все это приближает к пониманию того, кем был благочестивый князь Александр Суворов и почему он вел аскетический, весьма соответствующий монашеству в миру образ жизни.

Константин Ковалев-Случевский, писатель, историк, культуролог, лауреат Патриаршей литературной премии и премии имени Ф. М. Достоевского «Новая библиотека» Издательского совета РПЦ.

Автор книги «С нами Бог! Жизнеописание и духовные подвиги князя Александра Суворова», изданной Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД).

¹ Сергеев И. Домашние привычки и частная жизнь Суворова: Из записок отставного сержанта Ивана Сергеева, находившегося при Суворове шестнадцать лет безотлучно // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности. Т. 1. Кн. 2. 1842. С. 100–108.

² Русский архив. 1876. Цит. по: Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. СПб., 1884. С. 267.

³ Сергеев И. Домашние привычки и частная жизнь Суворова. С. 100–108.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Мартыянов П. Суворов в ссылке // Исторический вестник. СПб., 1884. Т. XVIII (октябрь). С. 144–161.

⁷ Старков Я. И. Рассказы старого воина о Суворове. М.: Издание Москвитянина, 1847. С. 296.

⁸ Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. СПб., 1843. С. 4.

⁹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 404.

¹⁰ Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. С. 216–217.

¹¹ Старков Я. И. Рассказы старого воина о Суворове. М.: Издание Москвитянина, 1847. С. 351–352.

¹² Гильманш-Дюбокаж Г. П. Черты из жизни Суворова // Вестник Европы. Ч. 47. № 18. 1809. С. 94–116.

¹³ Старков Я. И. Рассказы старого воина о Суворове. С. 296.

¹⁴ Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. С. 311.

¹⁵ Миллютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. Т. 1–3. СПб., 1857.

¹⁶ Старков Я. И. Рассказы старого воина о Суворове. С. 23.

¹⁷ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 404.

¹⁸ Старков Я. Продолжение рассказов о великом Суворове Рымническом после победы при Бресте Литовском // Москвитянин. 1842. № 12. С. 247.

¹⁹ Там же.

²⁰ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 267.

²¹ Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. С. 26.

²² Сергеев И. Домашние привычки и частная жизнь Суворова. С. 100–108.

²³ Там же.

²⁴ Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 222. Объяснение Державина к стихотворению «Снигирь», посвященному А. В. Суворову.

²⁵ Фукс Е. Б. Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического. СПб., 1827. С. 73–74.

²⁶ Мартыянов П. К. Суворов в ссылке // Исторический вестник. 1884. № 10. С. 148.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 408.

³⁰ Стрелюхов М. Б., Симанский П. Н. Жизнь Суворова в художественных изображениях. М., 1900. С. 241.

³¹ Безобразов В. П. Граф Федор Петрович Литке. СПб., 1888. С. 176.

³² Хмыров М. Д. Последнее четырехлетие жизни Суворова (1796–1800) // Русский архив: Историко-литературный сборник. М., 1871. Вып. 9. Стб. 1453.

³³ Мартыянов П. К. Суворов в ссылке // Исторический вестник. 1884. № 10. С. 161.

³⁴ Там же.

³⁵ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 408–409.

³⁶ Там же. С. 409.

³⁷ См. упоминание о письме Суворова императору с просьбой отпустить его в Нилову пустынь: Хмыров М. Д. Последнее четырехлетие жизни Суворова (1796–1800). Стб. 1451–1452.

³⁸ Миллютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 2. С. 159. Также: Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического, генералиссимуса Российских войск. М., 1904. С. 160.

³⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Биография князя Александра Васильевича Итальянского, графа Суворова Рымнического, 3-го генералиссимуса // Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Часть вторая. СПб., 1840. С. 344.

⁴⁰ Миллютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 2. С. 160.

⁴¹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 409.

⁴² ОР РНБ. Фонд Суворова. Суворовский рукописный сборник. № 3, 4 и др. Цит. по: Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 410.